

УДК 811. 161. 1+ 81'42

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И ЕЁ РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДРЕВНЕРУССКОГО ДИСКУРСА

АРЗЯМОВА Ольга Витальевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена проблеме формирования языковой нормы, используемой в организации древнерусского дискурса. С точки зрения диахронического (исторического) подхода систематизируются основные черты, присущие книжно-письменной норме русского языка донациональной эпохи. Делается вывод о том, что в донациональный период развития языка складываются основные жанровые, функциональные и грамматические особенности русской письменной нормы, которые способствуют её дальнейшей эволюции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский литературный язык, языковая норма, донациональная эпоха, этапы языковых изменений.

LANGUAGE NORM AND ITS ROLE IN ORGANIZING ANCIENT RUSSIA WRITTEN FICTION DISCOURSE

ARZYAMOVA O.V.,

Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature
Voronezh State Pedagogical University

ABSTRACT. This article discusses the problem of the formation of the language norm used in the ancient Russian discourse organization. Using the diachronic (historical) approach, the author systematizes the main features of the written language norm of pre-national era Russian. It is concluded that the main genre, functional and grammatical features of the Russian written language norm are formed during the pre-national period of language development, which contributed to its further evolution.

KEY WORDS: Russian literary language, language norm, pre-national epoch, stages of language changes.

Известно, что любой язык исторически изменчив по своей природе и вместе с ним динамичны нормы, которые, с одной стороны, посредством кодификации регламентируют строгие или вариативные правила употребления, а с другой – постоянно подвержены внутреннему и внешнему воздействию. Изучение проблем русского литературного языка, среди которых особо выделяются те, которые связаны с его происхождением, функционированием и эволюцией, а также с этапами становления и развития языковых норм по-прежнему привлекает многих лингвистов.

Понятие «языковая норма» обычно применяется в отношении литературных языков национального периода с учетом их исторической изменчивости, а также в соотношении с системой языка и узусом. Научные труды по данной проблеме весьма разнообразны и обширны (см., например, работы О. В. Загоровской, М. В. Ивановой, Е. И. Кисловой, Л. П. Крысина, Э. Г. Куликовой, Е. И. Литневской, М. Л. Ремневой, О. Б. Сиротининой, Г. Н. Скляревской, Е. М. Хакимовой, В. В. Химики, С. В. Цынк и др.). Однако до сих пор отсутствуют целостные исследования, посвященные процессам становления языковых норм применительно к древнерусскому дискурсу; именно этим и определяется актуальность данной статьи.

В литературном языке донационального периода (XI – второй половины XVII вв.), к которому непосредственно относится древнерусский дискурс, задействованы языковые нормы, которые, обладая

рядом специфических черт, существенно отличаются в своём последующем развитии. С точки зрения диахронического (исторического) развития русского языка попытаемся обозначить основные черты, присущие языковым нормам донациональной эпохи.

Полагаем, что разнообразные произведения древнерусской словесности можно рассматривать как целостное дискурсивное пространство, в котором основным параметром для объединения в единую сферу – древнерусский дискурс – становится книжно-письменный (собственно литературный) древнерусский текст, созданный на протяжении XI – второй половины XVII вв.

Вслед за Е. А. Петренко мы считаем, что не только современный, но и древний текст является речемыслительным произведением, реализуемым «в результате дискурсивной (коммуникативно-речевой) деятельности человека, а значит, в нем могут быть актуализированы (эксплицированы) определенные параметры дискурса...» [1, с. 10]. Используя понятие «древнерусский дискурс», мы также исходим из положения Е. Ф. Кирова о том, что «дискурс имеет начало во тьме веков и тысячелетий, и это начало дискурса совпадает с моментом возникновения языка» [2, с. 33]. «...Текст – это часть дискурса, его фрагмент, имеющий сюжетную ситуацию и логическую завершенность, то есть текст имеет начало и конец (пусть даже и открытый), чего сам дискурс в системе временных ординат настоящего дня уже не имеет» [2, с. 33].

Как известно, тексты донациональной эпохи дошли до нас в единой массе, без четкого разграничения на произведения художественные и нехудожественные. Подобная «моноклитность» древнерус-

© Арзиямова О.В., 2018

Информация для связи с авторами: arzyamovuy@yandex.ru

ского дискурса определяется тем, что «наиболее обычным видом древнерусской книги были сборники, включавшие произведения самого различного характера» [3, с. 3].

Выделяя литературно-художественный древнерусский дискурс как единое повествовательное пространство, мы также считаем, что наделение его чертами «художественности» и «литературности» имеет весьма условный характер. Между тем, почти полвека назад Я. С. Лурье определил древнерусскую повествовательную прозу как уникальную предшественницу русской беллетристики. По его мнению, в древнерусских литературных памятниках, обладающих чертами художественности, выделяются «те беллетристические черты и элементы, которые в той или иной степени могли обнаруживаться и в памятниках иных жанров»; речь идет «не обо всех памятниках древнерусской литературы, написанных прозой и обладающих художественными достоинствами («Повесть временных лет», переписка Грозного с Курбским и т. п.), а в первую очередь именно о зарождении определенных жанров сюжетного повествования» [3, с. 7].

В основу понятия «литературно-художественный древнерусский дискурс» положено понятие «книжности»: «Речь идет о древнерусской книжности как о целостном социокультурном феномене, являющемся не только средством вхождения в традицию древнерусской культуры с целью её понимания, но и представляющем интерес *sui generis* как некий «макротекст», имеющий собственное содержание, и выполняющий в культуре разные социальные роли, порождая разнообразные контексты» [4, с. 14].

Известно, что вместе с крещением (988 г.) на Русь приходит книжный язык, ставший языком христианской (православной) культуры и литературной письменности восточных славян, который представлял собой сложное единство двух различных «языковых стихий» (В. В. Виноградов) – книжно-славянской (церковно-книжной) и народно-литературной (народно-письменной): «Русский письменный язык древнейшего периода развивается в двух направлениях. С одной стороны, вырабатывается и эволюционирует, вбирая в себя элементы живой речи восточных славян, русская разновидность старославянского языка, славяно-русский литературный язык (так называемый церковнославянский язык). С другой стороны, старославянской системой письменного изображения, старославянской азбукой пользуется русский государственно-деловой язык, тесно связанный с живыми наречиями восточного славянства и почти свободный от церковнославянских элементов в кругу бытовой и государственной практики. Есть вполне определенные указания на то, что уже в XI в. возникло это двуязычие» [5, с. 18].

Так, в XI–XII вв., древнерусский язык приобретает черты литературного языка, вступая в сложное взаимодействие с системой разнообразных жанров древнерусской литературы. По этому поводу В. В. Виноградов писал: «Уже в половине XI в. русские книжники могли свободно владеть общеславянским книжным литературным языком. Такие блестящие и разнообразные по языку и стилю древнерусские произведения XI в., как «Слово о законе и благодати» митр. Илариона и летопись, такие замечательные памятники каллиграфического искусства, как Остромирово евангелие и Изборник Святослава, говорят о высоте литературно-языкового развития древней Руси XI в.» [5, с. 20].

В настоящее время не все исследователи разделяют теорию В. В. Виноградова о двуязычии древнерусского языка. Так, В. М. Живов разрабатывает концепцию «гетерогенных регистров». Он считал, что «церковнославянский и восточнославянский говоры относятся к разным регистрам, реализовавшимся в языковой деятельности» [6, с. 69]. Б. А. Успенский использует понятие «языковой диглоссии», когда «книжный и некнижный языки воспринимаются как один язык — книжный язык выступает в этих условиях как кодифицированная и нормированная разновидность языка», предполагая обязательную оценку говорящего своего высказывания по шкале «высокое – низкое», «торжественное – обыденное», которая используется с учетом «функционально-модальной установки» [7, с. 25].

М. Л. Ремнева пишет: «Функционально церковнославянский язык был противопоставлен народно-разговорному, но книжно-письменный и древнерусский народный язык на протяжении всей истории сосуществования развивались в тесной и двусторонней связи» [8, с. 6]; речь идет «о церковнославянском языке разной степени строгости и о существовании двух вариантов грамматической нормы церковнославянского языка: *строгой и сниженной*» [9, с. 14].

Мы полагаем, что уже на ранней стадии развития, оба типа древнерусского литературного языка являются стилистически дифференцированными, тесно связанными с конкретными жанрами письменности: народно-литературный (народно-письменный) тип применялся в сфере делопроизводства, например, для составления сводов законов («Русская Правда»), а также для написания художественных произведений светского содержания («Слово о полку Игореве»). Книжно-славянский (церковно-книжный) тип использовался для создания церковно-христианской литературы («Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона, «Слово на антипасху» Кирилла Туровского, «Сказание о Борисе и Глебе»), и он в большей степени был ориентирован на книжно-письменную норму; также на его основе создавались переводные произведения, во многом унаследовавшие византийскую (греческую) литературную традицию.

Сложность языковой ситуации Древней Руси состояла в том, что традиционные письменные нормы отсутствовали. В этом плане говорить о литературных нормах русского языка применительно ко всей донациональной эпохе, так же как и о нормах, используемых в языке древнерусской литературы (XI–XIV вв.), и позднее – допетровской эпохи, когда появились первые словари-вокабулы и «словенские» грамматики – «Грамматика» Федора Поликарпова (1721), «Грамматика славенская...» Федора Максимова (1721; 1723), следует весьма условно. Нестабильность древнерусской книжно-письменной нормы определялась тем, что до появления первых кодификаторов – словарей и грамматик – норма имела характер образца, некоего словесного эталона, передаваемого книжной (литературной) традицией. По этому поводу М. В. Иванова отмечает, что первоначально в истории русского литературного языка своеобразную функцию нормы выполняли так называемые «авторитетные тексты», созданные на основе старославянского языка: «Кодифицированной нормы не было, был лишь узус как сложившийся обычай языкового употребления. Но все

писатели и редакторы старательно его сохраняли» [10, с. 52].

В XIII–XIV вв. стилистические разновидности древнерусского литературно-письменного языка (книжно-славянская, народно-литературная и деловая) отличались между собой количественным составом собственно славянских и восточнославянских элементов. Так, в книжно-славянской разновидности преобладают старославянизмы, а доля восточнославянских слов была существенно меньше. В языке деловых документов, наоборот, в основном представлены русские элементы, а старославянские слова, напротив, единичны. Таким образом, в собственно литературных памятниках взаимодействуют элементы обеих стилистических разновидностей (книжно-славянский и народно-литературный); они распределяются неравномерно, представляя, по словам В. М. Живова, «фрагментированность средневекового узуса, при котором каждый из регистров обладает специфическим набором языковых средств» [6, с. 50].

В XIV–XV вв. литературный язык Москвы сохраняет свои наиболее значимые признаки, выработанные в предшествующие периоды развития. Впоследствии славянизмы, получившие как факты языка русского извода название «церковнославянизмов», продолжают существовать на правах книжных средств языка. В этот период главным в истории литературно-письменного языка становится стихия живой разговорной речи, в окружении которой он (со)существует и постоянно меняется. Происходят существенные изменения в книжно-славянском типе языка, его словарном составе и грамматике, а именно: 1) утрата форм двойственного числа; 2) перегруппировка системы прошедших времен глагола, в которой стали отчетливо оформляться видовые значения глагольных основ; 3) изменения в системе типов склонения имен существительных; 4) исчезновение звательной формы; 5) выравнивание основы, заканчивающейся на заднеязычный согласный в тех формах, в которых происходит чередование заднеязычных с з, ц, с; 6) изменения некоторых форм личных и возвратных местоимений. Кроме того, ранее нейтральные формы переходят в состав стилистически маркированных, то есть книжных, которые теперь не соответствуют живой русской речи.

В литературном языке XIV–XVII вв. становится больше книжных, несвойственных живой речи элементов. Кроме старославянизмов, в этом ряду оказывается достаточно много исконно русских, но устаревших или устаревающих фактов языка. Результатом такого большого количества церковнославянизмов становится резкое отмежевание книжно-славянского типа языка от живого разговорного языка, с одной стороны, и от деловой речи, с другой. В дальнейшем книжно-славянская разновидность литературного языка утрачивает живые связи с народным языком своего времени и обособляется от него, а разговорный язык Москвы, так называемый «московский говор», становится основой «делового» языка Москвы.

К XV–XVI вв. составляются новые своды судебных постановлений, закрепляется дальнейшее развитие правовых норм («Судебник» Ивана III; «Псковская судная грамота»), которые во многом опираются на статьи «Русской правды». На основе традиций, сложившихся в деловой речи, зарождается новый, демократический тип литературного

языка, который распространяется и за пределы деловой сферы.

В середине XVII века начинается формирование национального русского языка на основе так называемого «московского», или среднерусского, говора. Его название непосредственно связано с территорией, которая была наиболее развита в экономическом, политическом и культурном отношении. Основными чертами данного периода становятся: 1) устойчивые предпосылки к созданию единого нормированного языка, сложившегося на народной основе; 2) сглаживание (нивелирование) диалектных различий; 3) постепенное формирование языка художественной литературы, посредством которой адаптируется к социальной среде литературная норма; 4) сближение и взаимодействие письменного языка с разговорной речью; 5) стирание резких граней между языком литературно-художественного повествования и «приказным языком» (например, за счет развития пародии); 6) расширение словарного состава за счет иноязычных заимствований; 7) демократизация прозы (влияние «народного» языка); 8) нейтрализация (отсутствие стилистической окрашенности) ряда старославянизмов (церковнославянизмов).

Во второй половине XVII века первостепенное положение начинает занимать светская литература, которая в дальнейшем, обособливаясь, способствует созданию двух письменных литературных стилей – художественного и публицистического. К этому времени собственно литературный стиль представлен многочисленными светскими и воинскими повестями, в том числе написанными как под влиянием второй волны славянизации, так и под воздействием демократизации языка («Житие протопопа Аввакума»). Т. М. Николаева пишет: «Все, в том числе архаичные языковые элементы, функционируют в качестве жизненных, распространенных и правомерных, весьма активных в повествовательном жанре, составляющих его устойчивую норму и отражающих определенную стадию в развитии русского литературного языка» [11, с. 23].

О. Ю. Крючкова сопоставляет древнерусский (XI–XIV вв.) и старорусский (XV–XVII вв.) периоды развития языка и анализирует происходящие в это время словообразовательные процессы. Она отмечает: «Жанровая динамика, меняющееся соотношение текстов книжно-славянской и некнижной языковой традиции на протяжении XI–XVII вв. служат базой для активного взаимодействия жанрово распределенных норм» [12, с. 97].

Значительное положение в русской литературе XVII века начинает занимать жанр пародии, в котором церковнославянские и народно-разговорные элементы, как правило, контрастируют, тем самым существенно разрушая регламентированные правила («Служба кабаку, или Праздник кабацких ярыжек», «Калязинская челобитная»). Стиливая неоднородность, разнообразие грамматических и лексических форм становятся яркими чертами «русского барокко» конца XVII века.

На всем протяжении донационального периода особую значимость в формировании стилистической системы русского языка приобретают старославянизмы. Мы солидарны с точкой зрения О. В. Загоровской: «Именно старославянская лексика сформировала тот высокий стиль русского литературного языка, который в сочетании со средним и сниженным составил «триединую» стилистическую систему русской речи как одну из ярчайших осо-

бенностей русской лингвокультуры и обусловил существование особой «стилистической значимости» русского слова» [13, с. 141].

Таким образом, в результате перечисленных поэтапных изменений, в первую очередь жанрово-стилистического, функционально-стилистического, грамматического характера, складываются предпо-

сылки для формирования новой стадии развития русского языка, относящейся к концу XVII – началу XVIII века. Следующий этап характеризуется утверждением языковых письменных норм на законодательном уровне, их закрепленностью (кодификацией) и регламентированностью в системе национального литературного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Петренко, Е.А. Коммуникативные стратегии и тактики древнерусского книжника и языковые средства их реализации в «Повести о Варлааме и Иосафе»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 [Текст] / Е.А. Петренко. – Владивосток, 2011. – 26 с.
2. Киров, Е.Ф. Цепь событий и дискурс в философии языка (начала дискурсивной лингвистики) [Текст] / Е.Ф. Киров // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – Сер. Филология. – 2001. – №1. – С. 31–52.
3. Истоки русской беллетристики: возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе [Текст] / отв. ред. Я.С. Лурье. – Ленинград: Наука, 1970. – 596 с.
4. Киселева, М.С. Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности [Текст] / М.С. Киселева. – М.: Индрик, 2000. – 253 с.
5. Виноградов, В.В. Основные этапы истории русского языка [Текст] / В.В. Виноградов // Избранные труды. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – С. 16–28.
6. Живов, В.М. История языка русской письменности: в 2 т. [Текст] / В.М. Живов. – М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2017. – Т. 1. – 816 с.
7. Успенский, Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). – 3-е изд., испр. и доп. [Текст] / Б.А. Успенский. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 558 с.
8. Ремнева, М.Л. Литературный язык Древней Руси: некоторые особенности грамматической нормы [Текст] / М.Л. Ремнева. – М.: Издательство Московского университета, 1988. – 143 с.
9. Ремнева, М.Л. Два языка или один язык: церковнославянский высокой и низкой нормы [Текст] / М.Л. Ремнева // Stephanos. – 2016. – № 6(20). – С. 9–17.
10. Иванова, М.В. Публицистика в истории русского литературного языка: от древнерусской словесности к интернет-коммуникации [Текст] / М.В. Иванова, Н.И. Клушина // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2018. – Т. 16. – №1. – С. 50–62.
11. История русского литературного языка: учебно-методические разработки и указания для студентов отделения русского языка и литературы филологического факультета [Текст] / авт.-сост. Т.М. Николаева. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2004. – 40 с.
12. Крючкова, О.Ю. Влияние жанрово-стилистического развития русской письменной речи XI–XVII вв. на словообразовательные процессы [Текст] / О.Ю. Крючкова // Жанры речи. – 2018. – № 2(18). – С. 96–103.
13. Загоровская, О.В. Старославянская лексика в русском языке: прошлое и настоящее [Текст] / О.В. Загоровская // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2018. – №2(279). – С. 141–145.